
МОНОГРАФИЯ Ю. Н. РЕРИХА

«ЗВЕРИНЫЙ СТИЛЬ У КОЧЕВНИКОВ СЕВЕРНОГО ТИБЕТА»

© 2018

А. М. Шустова*

Ю. Н. Рерих (1902–1960 гг.) – российский востоковед, тибетолог, автор монографий «Тибетская живопись», «Звериный стиль у кочевников Северного Тибета», «По тропам Срединной Азии», «История Средней Азии», Тибетско-русско-английского словаря с санскритскими параллелями. Статья посвящена истории создания, а также анализу содержания монографии Ю. Н. Рериха «Звериный стиль у кочевников Северного Тибета». Эта монография в свое время стала событием в мировой науке и явилась классическим исследованием в области евразийской исторической мысли.

Ключевые слова: Ю. Н. Рерих, искусство звериного стиля, кочевники Тибета, добуддийский период истории.

GEORGE ROERICH'S MONOGRAPH

“THE ANIMAL STYLE AMONG THE NOMADS OF NORTHERN TIBET”

Alla M. Shustova

George Roerich (1902–1960) was a prominent Russian Orientalist and Tibetologist and the author of seminal works like “Tibetan Paintings”, “The Animal Style among the Nomads of Northern Tibet”, “Trails to Inmost Asia”, “History of Central Asia” as well as the Tibetan-Russian-English Dictionary with Sanskrit parallels. This article looks at his book “The Animal Style among the Nomads of Northern Tibet”, at the history of its creation and its main ideas. Upon its release, the book became a celebrated academic event and set a standard for studies in Euro-Asian history.

Keywords: George Roerich, animal style of art, nomads in Tibet, pre-Buddhist period of history.

В 1930 г. в Праге вышла работа Ю. Н. Рериха «Звериный стиль у кочевников Северного Тибета»¹. Она была опубликована в серии «Скифика» отдельным изданием сразу на двух языках: русском и английском [Рерих, 1930; Roerich, 1930]. Издание было осуществлено Семинарием Кондакова (Seminariun Kondakovianum) — научной группой, объединившей учеников известного византолога и знатока древнерусского искусства академика Петербургской Академии Наук Никодима Павловича Кондакова (1844–1925 гг.).

Публикация этой работы Ю. Н. Рериха именно Семинарием Кондакова была не случайной. Отец Юрия Николай Константинович был дружен с академиком Кондаковым, оба они участвовали в работе Императорского Русского Археологического Общества. Более того, Н. П. Кондаков представлял Н. К. Рериха при избрании его академиком в Академии Художеств.

Юрий, как и его отец, интересовался древней историей и проблемой корней русского искусства, поэтому идеи академика Н. П. Кондакова, а также его ученика, крупнейшего исследователя скифской культуры М. И. Ростовцева (1870–1952 гг.) были особенно близки ему. Отметим, что в своей монографии о зверином стиле Ю. Н. Рерих использовал результаты труда М. И. Ростовцева «Срединная Азия, Россия, Китай и “звериный стиль”»

---

* Алла Михайловна ШУСТОВА, кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института Востоковедения РАН, Москва; parinama@yandex.ru

Alla M. SHUSTOVA, PhD (Philosophy), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; parinama@yandex.ru

¹ Переиздана в 1992 г. в Москве, а также в сборнике «Тибет и Центральная Азия» [Рерих, 1999].

[Ростовцев, 1929], изданного также Семинарием Кондакова в Праге, но только на год раньше, в 1929 году, в той же серии «Скифика». Этим он продолжил серию публикаций Семинария по вопросам изучения кочевой культуры.

М. И. Ростовцев входил в научный кружок под руководством Н. П. Кондакова. Именно этот кружок перерос в постоянно действующий семинар, а уже после смерти учителя в 1925 г. был официально оформлен сначала в Семинарий имени Н. П. Кондакова, а в 1931 г. – в Институт имени Н. П. Кондакова. На поприще изучения корней русской культуры и истории кочевых цивилизаций Азии некоторое время происходило сотрудничество Института имени Н. П. Кондакова в Праге и Института Гималайских исследований «Урусвати» в Кулу (Индия), который возглавлял Ю. Н. Рерих с 1928 г.

Ю. Н. Рерих в молодые годы в Петербурге изучал труды М. И. Ростовцева. Именно с именем М. И. Ростовцева связано начало скифологии как важной отрасли истории и археологии, а также изучения искусства звериного стиля, составлявшего неотъемлемую часть культуры многих народов Евразии в I тыс. до н. э. В Америке, куда временно переехала семья Рерихов, судьба снова свела его с русским ученым, эмигрировавшим туда в 1920 г. Во время учебы в Гарварде Ю. Н. Рерих посещал лекции М. И. Ростовцева о «Среднеазиатских влияниях на искусство юга России».

Так сложилось, что научные интересы трех принадлежащих к следующим друг за другом поколениям ученых – Н. П. Кондакова, М. И. Ростовцева и Ю. Н. Рериха, находились в русле одной большой темы, связанной с историей и культурой России и ее взаимодействием с Востоком. На примере их научного творчества можно проследить преемственность идей и то, как продолжала жить и развиваться русская научная школа, даже независимо от того, где находились сами ученые: Кондаков переехал в Чехословакию, Ростовцев в Америку, а Рерих в Индию.

«Звериный стиль у кочевников Северного Тибета» – это вторая серьезная работа Ю. Н. Рериха по истории искусства Востока после книги «Тибетская живопись» [Roerich, 1925], в которой он исследовал историю буддийской иконографии. Интересно, что оба исследования базируются на собранных семьей Рерих коллекциях. Также отметим, что обе эти работы являют собой некоторую целостность, и в них делается попытка отразить большой исторический период развития тибетского искусства: а именно добуддийский период, отраженный искусством звериного стиля, и буддийский, отмеченный развитием живописи на стенах монастырей и религиозных знаменах (*тханка*).

Конечно же, темы исследования, взятые Ю. Н. Рерихом для этих двух своих монографий, были далеко не случайными. Дело в том, что интерес к восточному искусству у Юрия Николаевича пробудился очень рано. Петербург его юношеских лет буквально болел Востоком. Востоковедение было частью русской культуры. Культурная интеллигенция была хорошо осведомлена об открытиях ученых-востоковедов. Такие известные востоковеды, как египтолог Б. А. Тураев, буддолог Ф. И. Щербатской, индолог С. Ф. Ольденбург, монголовед А. Д. Руднев, часто бывали в гостях у Рерихов.

Будучи историком искусства, отец Юрия Николай Константинович Рерих не мог обойти вниманием развитие русского искусства. Поиск древних корней славянства и истоков русской культуры неизбежно уводили мысль на просторы Азии, где в древние времена существовала великая кочевая цивилизация. В особенности модной и притягательной оказалась тема скифского искусства, прекрасные образцы которого находились в Эрмитаже. Идеи взаимовлияния, взаимопроникновения культур были в то время близки многим исследователям, которые обсуждали их на примере скифского искусства. Все это сыграло свою роль в выборе направления научного исследования молодого Юрия.

На выбор темы, взятой Ю. Н. Рерихом для второй монографии, также повлияло и то, что одним из результатов Центрально-азиатской экспедиции Н. К. Рериха стало обнаружение целого ряда уникальных памятников, относящихся к древней культуре кочевников, а также собрание коллекции прекрасных изделий искусства звериного стиля.

Таким образом, идеи, положенные в основу работы Ю. Н. Рериха о зверином стиле, имели свою предысторию. Ученый во многом перенял их от своих учителей, к которым относился и его отец Николай Константинович, и, в свою очередь, развил и наполнил новым содержанием.

Для более полного понимания научного интереса Ю. Н. Рериха к теме искусства кочевников, будет не лишним напомнить, что же представляет собой художественное изображение животных, названное звериным стилем, и каковы его особенности.

Звериный стиль — это название оригинального направления в древнем искусстве, которое возникло в бронзовом веке и сохранялось вплоть до средневековья. Встречается он в основном среди кочевников Евразии, был развит также в искусстве древних германцев, кельтов, скандинавов-викингов, древних славян, но особенно у скифов и сарматов.

Такие животные, как олень, лошадь, горный козел, баран, кабан, лев, а также птицы и некоторые фантастические существа (грифоны), изображались на предметах из металла, дерева, кости, кожи, войлока. Делалось это методом литья и гравировки по металлу, резьбы по дереву и кости, аппликации на коже и войлоке. Характерные звериные мотивы обнаружены даже в татуировках на коже человека у сохранившихся скифских мумий, найденных на Алтае. Для звериного стиля характерны изображения животных в движении, например: скачущие, борющиеся или застывшие в особых позах: копытные нередко изображались с подогнутыми ногами, а хищники — свернувшимися в клубок. Частым сюжетом были динамические композиции, представлявшие борьбу зверей. В некоторых случаях художник выделял какую-нибудь часть животного, например, рога оленя, глаз птицы, голову, пасть, или когти хищника.

Искусство звериного стиля надо отличать от простого изображения зооморфных фигур. Звериный стиль — это именно художественный стиль, и выделяют его прежде всего особые приемы, которыми искусно пользовались древние художники. Во-первых, изображения всегда мастерски вписывались в конкретную форму того предмета, который они украшали. Умение составлять композиции — важнейшая черта звериного стиля. Именно поэтому в более позднее время своего развития звериный стиль перерос в искусную орнаментику. Во-вторых, особенно в скифском зверином стиле, применялся такой способ моделирования поверхности, при котором тело изображаемого животного оформлялось в виде нескольких плоскостей, сходящихся под углом. Такое изображение за счет игры света и тени воспринимается как многогранное, объемное. И, наконец, в-третьих, изображения звериного стиля всегда эмоционально окрашены и производят глубокое впечатление, им присуща большая жизненность, точность и выразительность в воссоздании внешнего вида зверей и передачи их особенностей. Мастера звериного стиля умели правдиво воспроизводить натуру, обладали большим чувством соизмеримости и сильным воображением.

Ю. Н. Рерих писал о древнем искусстве кочевников следующее: «Этот звериный стиль представляет собой декоративные мотивы из фигур животных, иногда образующих исключительно замечательные орнаментальные композиции. Некоторые из этих мотивов сильно стилизованы и являются результатом длительного процесса развития. Художники, создавшие эти произведения, отличались острой наблюдательностью и хорошо знали характер и повадки изображаемых ими животных. Этот стиль, широко распространенный на громадной территории, был общим для всех кочевых племен высокогорной Азии» [Рерих, 2012, с. 511]. Очень важна мысль о том, что звериный стиль имел длительное развитие, то есть являлся достаточно устойчивым культурным феноменом и не был случайным историческим фактом. Вероятно, более ранним этапом развития этого стиля было искусство изображения животных на каменной поверхности с теми же приемами акцентирования динамических поз и определенных частей тела.

Ю. Н. Рерих строит работу «Звериный стиль у кочевников Северного Тибета» по тому же принципу, что и свое первое исследование в области тибетского искусства «Тибетская

живопись». Во вступлении ученый ставит проблему исследования, затем дается краткий очерк истории кочевников в Тибете, и уже после — описание проведенных археологических исследований, а также анализ наиболее существенных находок. Кроме того, автор иллюстрирует работу рисунками, которые частично сделаны им самим, и собственными фотографиями, сделанными во время Центрально-азиатской экспедиции. Также приведены иллюстрации предметов, выполненных в зверином стиле и схематическая карта района Тибетского нагорья, где находятся исследованные памятники.

Как известно, Ю. Н. Рерих был участником Центрально-азиатской экспедиции (1925–1928 гг.) его отца Н. К. Рериха, которая вела исследования во Внутренней Азии. Одной из задач экспедиции было изучение археологических памятников древних центрально-азиатских цивилизаций.

В книге «Звериный стиль у кочевников Северного Тибета» Ю. Н. Рерих придерживается синтетического метода, когда из многих самых разнообразных фактов ученый пытается выстроить единую картину истории развития древнего кочевого мира. Не ограничиваясь простым рассмотрением археологических находок, он поднимает ряд широких вопросов, выводящих исследователя на новый уровень понимания проблемы развития искусства звериного стиля, существовавшего в течение продолжительного времени почти повсюду в Центральной Азии. В результате эта, в общем-то, небольшая по объему книга Ю. Н. Рериха вскрывает многомерный пласт историко-культурных проблем Центральной Азии и ее древних связей с Россией, хотя на первый взгляд может показаться посвященной довольно узкой теме.

В самом начале монографии, отмечая малую изученность истории центрально-азиатских империй, ученый ставит перед востоковедением масштабный вопрос «об исторической роли кочевых племен Центральной Азии и южнорусских степей и их влиянии на древние очаги культуры Средиземноморья и Дальнего востока» [Рерих, 1999, с. 29]. Цивилизации древних кочевников он не случайно называет «великими кочевыми империями» [Рерих, 1999, с. 29], потому что, несмотря на их, казалось бы, естественную разобщенность в силу огромности занимаемых ими географических пространств, у всех кочевых народов было и нечто объединяющее. Это единое идеологическое и культурное ядро, позволившее им не только оставить в истории заметный след, но и передать потомкам мощный культурно-исторический импульс. Согласно его мнению, изучение истории и культуры древних кочевников важно не только для того, чтобы знать их собственную историю, но и лучше понимать культуры сопредельных с ними народов, а также тех, кто пришел им на смену, вплоть до современности.

В продвижении изучения кочевых империй Ю. Н. Рерих отводит основную роль археологии, и при этом отмечает вклад именно русских археологов в исследование оставленных кочевыми племенами курганных погребений «от Венгерской равнины до Западного Китая» [Рерих, 1999, с. 29]. Он отмечает раскопки В. В. Радлова (1837–1918 гг.) и С. И. Руденко (1885–1969 гг.) в районе Семиречья и на русском Алтае, раскопки Ю. Д. Талько-Гринцевича (1850–1936 гг.) в Забайкалье и особенно П. К. Козлова (1863–1935 гг.) в Северной Монголии в горах Ноин-Ула, где были обнаружены ткани и металлические предметы в зверином стиле.

Исследовательская работа русских ученых не только пролила свет на далекое прошлое кочевников Евразии, открыв миру сокровища сибирских скифов, но и отодвинула границу распространения искусства звериного стиля к югу и юго-востоку.

Но все же лишь малая часть археологических памятников древней кочевой культуры, по мнению Ю. Н. Рериха, стала доступна исследователям. Ученый в своей монографии указывает и на другие места, богатые памятниками древней кочевой культуры. Он называет горные хребты Тарбагатая и Джаира, северные отроги Тянь-Шаня, Джунгарские степи, Монгольский Алтай, пустынные хребты Карлык-тага и их продолжения в пустыне Гоби, скалистый хребет Коко-тумюртейин-ула, Урянхайские горы, горную систему Хангая в

Западной Монголии, долину реки Керулен в Восточной Монголии, где, по его мнению, необходимо провести тщательные археологические изыскания. Думается, не случайно он так подробно перечисляет эти географические названия. Все они, как считал Рерих, принадлежат к ареалу расселения древних кочевых народов, относящихся к культуре звериного стиля. И здесь следует ожидать интересных открытий.

Действительно, археологические исследования последнего времени подтвердили эту мысль. В особенности нужно отметить успехи новосибирских археологов В. И. Молодина [Молодин, 2000, с. 86–119], Н. В. Полосьмак [Полосьмак, 2001], В. Д. Кубарева [Кубарев, 1984, с. 86–100, Кубарев, 1987], открывших уникальные памятники скифской культуры на Алтае и в Монголии.

Еще больше отодвинуть границу культуры звериного стиля на юг, вплоть до северных склонов Трансгималаев, позволили исследования Центрально-азиатской экспедиции Н. К. Рериха. Так, Ю. Н. Рерих пишет: «Пустынные нагорья Тибета неожиданно оказались богаты остатками древней кочевой культуры, сохранившейся и в быту современных тибетских кочевников. Находки нескольких звериных мотивов, хорошо известных из скифо-сибирских курганов, еще раз подчеркнули древнюю связь, когда-то существовавшую между Тибетом и богатым кочевым миром Внутренней Азии» [Рерих, 1999, с. 31].

Ю. Н. Рерих отмечает, что на севере и северо-востоке Тибета располагаются высокогорные травянистые равнины, приспособленные для обитания людей. Именно здесь с доисторических времен селились кочевые племена. Тибетцы эти травянистые нагорья называли словом «док», что значит пастбище, отсюда слово «док-па» – кочевник, скотовод. В настоящее время здесь обитают племена, сохранившие примитивную кочевую культуру и архаичные формы речи. Однако, несмотря на примитивный образ жизни, в этих народностях можно распознать черты древнейшего населения этих нагорий, и их исследование поможет пролить свет на историю и культуру древнейших тибетцев.

По мнению Ю. Н. Рериха, высокогорное плато Кукунора и окружающие горы являлись очагом расселения древних кочевников, которые впоследствии расселились по двум направлениям. Во-первых, они прошли в Центральный и Юго-восточный Тибет, где осели и занялись земледелием, а впоследствии образовали тибетское государство с его уникальной теократической культурой. Вторая волна переселенцев, по мнению ученого, обтекая мощный хребет Ньенчен-Тангла, прошла далеко на запад Тибетского нагорья и проникла даже в Китайский Туркестан и северо-западную Индию.

Именно этой западной кочевой дорогой, известной также как северный паломнический путь к священной горе Кайлас, ведущий в долину реки Брахмапутры, прошла и экспедиция Н. К. Рериха, которой на этом отрезке пути удалось открыть целый ряд уникальных памятников далекого прошлого кочевников.

Ю. Н. Рерих делит эти памятники на три группы. Во-первых, это погребения, которые представляют собой каменные могилы, курганы. Причем, как отмечает ученый, современные тибетцы не делают могил, они расчлениют тела мертвых и оставляют их на съедение грифам. Открытые рериховской экспедицией погребения соответствуют аналогичным могилам в Северной Монголии, Забайкалье и на Алтае, что свидетельствует о том, что в этих районах Центральной Азии обитал единый народ с единой погребальной культурой. Ю. Н. Рерих отмечает еще одну интересную деталь – тот факт, что, несмотря на похожесть погребальных памятников Тибета и Северной Монголии, в Тибете не обнаружено таких сооружений, как могилы с грудой камней на вершине и каменной оградой, или *кефексурры*, которых много в Монголии и которые принадлежат тюркскому периоду ее истории (VII–VIII вв. н. э.). Из этого факта он делает вывод, что аналогия по погребениям в Тибете, Монголии и Алтае справедлива лишь для самой ранней истории этих мест.

Могилы Северного Тибета, как констатирует Ю. Н. Рерих, сильно разрушены, единственное, что удалось обнаружить, — это наконечники стрел. Насколько это возможно, он провел их исследование, и сделал заключение, что часть из них, а именно бронзовые

трехлопастные наконечники, можно отнести к архаическому периоду.

Ю. Н. Рерих проводит мысль, что было бы полезно сопоставить каменные могилы Северного Тибета с так называемыми дардскими могилами в Ладакхе. Он пишет: «Мы придерживаемся того мнения, что ладакхские захоронения находятся в прямой связи с каменными могилами, найденными в Северном Тибете, и что принадлежат они древней долихоцефальной расе, когда-то населявшей нагорья Тибета и чьи следы обнаруживают по всей Центральной Азии и в приграничных сибирских землях» [Рерих, 1999, с. 36]. Становится понятно, что, несмотря на недостаточное количество археологических находок, Ю. Н. Рерих старается провести параллели между древними каменными могилами Тибета, Монголии и России. Он считает, что в будущем археологам обязательно удастся найти достаточное количество доказательств о единстве культуры народов, населявших эти территории. Он указывает, что в этой связи важным является район Кукунора и верховьев реки Хуанхэ.

Вторым важным видом археологических памятников древности Северного Тибета, по мнению Ю. Н. Рериха, являются мегалитические сооружения, которые представлены менгирами, кромлехами, а также рядами менгиров. Помимо каменных алтарей (*lha-tho*), представляющих собой две каменные плиты, покрытые сверху третьей плитой, удалось обнаружить интересное мегалитическое сооружение. Ученый пишет: «В Доринге, в тридцати милях к югу от Большого соленого озера Пангонг чо-ча, экспедиция открыла группу менгиров, состоящую из восемнадцати рядов каменных плит, расположенных параллельно в направлении восток–запад. У западной оконечности группы находился кромлех, состоявший из двух концентрически расположенных кругов менгиров, или каменных плит. В центре внутреннего кромлеха стояли три менгира с расположенным перед ними необработанным камнем-столом (*lha-tho*) или алтарем. Центральный менгир, высотой в 2,75 м, носил следы возлияния маслом» [Рерих, 1999, с. 38]. Кроме того, «мегалитические сооружения Доринга имеют огромную фигуру в виде стрелы, выложенной из каменных плит и расположенной у восточной оконечности рядов менгиров. «Стрела, – пишет Ю. Н. Рерих, – является важным символом древнего культа Природы в Тибете и связана с культом Солнца и небесного огня в виде молнии, которую она символизирует. <...> Аналогичные мегалитические сооружения были открыты экспедицией еще в нескольких местах к югу от Великих озер: Рати (к югу от Нганце-чо), Лапчунг и Цукчунг в Трансгималаях, на высоте 17000-18000 футов. Все открытые мегалиты построены по одному и тому же плану: кромлех – ряды менгиров – каменная фигура стрелы» [Рерих, 1999, с. 39].

Конечно же, ряды менгиров в Тибете побуждают сравнить их со знаменитыми мегалитическими сооружениями во французском Карнаке, которые также расположены рядами. Оказывается, что эти древние памятники схожи, только тибетский имеет еще выложенную из камней с восточной стороны рядов менгиров фигуру стрелы. Именно эта стрела, как символ древнего культа солнца, по мнению Рериха, может пролить свет также и на культовое назначение памятников в Карнаке.

На пути экспедиции встречались и кромлехи с несколькими менгирами в центре, а также одиночные высокие (выше 4 метров) менгиры. Как отмечает Рерих, мегалиты часто связаны с культом женского божества, но чтобы лучше узнать, какие все же ритуалы здесь совершались, необходимо тщательное исследование традиции добуддийской религии бон. Он пишет: «Огромное собрание священных текстов бон, всего около трехсот томов, остается для нас закрытой книгой. Несомненно, из некоторых имеющихся там текстов о ритуалах мы узнали бы точное назначение менгиров, кромлехов и рядов менгиров. Литература бон является сокровищницей древних верований, относящихся к эпохе переселений, когда предки современных тибетских племен хлынули в горную страну Тибет и принесли свою родовую религию» [Рерих, 1999, с. 40].

Ю. Н. Рерих отмечает интересную деталь: район распространения мегалитических памятников совпадает с районом обнаружения предметов, украшенных в зверином стиле. Думается, это его замечание возникает не случайно, ученый пытается таким образом связать

эти два явления, как принадлежащих единому культурному пространству. Таким образом, он выделяет целый культурный комплекс, характеризующий древних кочевников. Это, во-первых, единый погребальный культ, выразившийся в возведении курганов и каменных могил. Во-вторых, это религиозный культ, выразившийся в возведении мегалитических сооружений. И, в-третьих, это искусство звериного стиля. Эти три фактора характеризуют, по мнению Ю. Н. Рериха, единую культуру древней кочевой цивилизации Центральной Азии, имевшую свой расцвет в архаичные времена, а теперь мы находим лишь угасающие остатки этой некогда великой культуры. Ученый отмечает, что хотя современные кочевые мастера и продолжают использовать звериную орнаментику в украшении металлических изделий, но предметы в зверином стиле все больше становятся редкостью, так как они усиленно вытесняются вещами, украшенными в китайском или тибетском буддийском стилях.

Ю. Н. Рерих указывает, что, согласно исследованиям Центрально-азиатской экспедиции, центром распространения звериного стиля в древнем искусстве Тибета является область Хор. Эта «страна покрытых травой холмов, широких долин с болотистой почвой и несколькими значительными горными хребтами, тянущимися с запада на восток» [Рерих, 1999, с. 41], с самых древних времен была заселена кочевыми народами. В настоящее время кочевое население Хора заметно отличается от остальных тибетских кочевников. О происхождении этих людей среди исследователей шли споры. Одни из них утверждали, что население Хора – это тюрко-монгольские племена, предки которых пришли сюда из Туркестана и Монголии. Однако, как указывает Ю. Н. Рерих, сами тибетцы четко различают отибетившихся монголов (*дамсог*) и более древнее население северных тибетских нагорий. Он пишет: «Это различие вполне подтверждается при сравнительном изучении физических типов хоров и дамсог. Среди племен хор нередко встречаются типы с длинноголовыми черепными индексами, прямым разрезом глаз, орлиным носом и невыдающимися скулами. Примесь чужой крови хорошо заметна, и мы легко различаем монголоидный, тюркский типы и даже *homo alpinus*, последний, вероятно, благодаря примеси иранской или скифской крови. Присутствием этой чужеродной примеси, быть может, объясняется сохранение звериного стиля среди хор-па» [Рерих, 1999, с. 42]. В далеком Тибете рериховская экспедиция обнаружила следующий интересный факт: местные женщины носили головной убор в виде кокошника, украшенного бирюзой, драгоценными камнями и медными пластинками в зверином стиле, который сильно походил на аналогичные головные украшения русских женщин.

То, что Тибетское нагорье становилось пристанищем различных иноземных племен, известно по древним китайским хроникам. Самое раннее упоминание об этом можно найти у знаменитого древнего китайского историка Сыма-Цяня (145/135 гг. до н. э. – ок. 86 г. до н. э.). Ю. Н. Рерих исследует древние китайские хроники, где находит историю проникновения индоиранских племен, так называемых малых юэчжей, на Тибетское нагорье. По его мнению, именно эти племена принесли с собой свою кочевую культуру, в которой главенствовало искусство звериного стиля. Они также имели характерные длинные тяжелые мечи, которые стали излюбленным оружием кочевников Тибета. Также в связи с этим можно отметить и характерное конское снаряжение.

В книге «Звериный стиль у кочевников Северного Тибета» Ю. Н. Рерих описывает вооружение кочевников, среди которого длинные прямые мечи, сабли и копья. В этой части работы он предстает как знаток древнего вооружения, что позволяет ему делать сравнения тибетских мечей с подобным вооружением сарматов, иранцев и индо-скифов, а также скандинавов. Говоря о вооружении, Ю. Н. Рерих кратко касается тактики ведения боя древними кочевниками.

Ученый анализирует предметы в тибетском зверином стиле, обнаруженные экспедицией, при этом замечая, что мотивы изображений на них близки соответствующим трактовкам, характерным для скифо-сибирских древностей. Особенно он выделяет

изображения двуглавого орла в круге, бегущего и лежащего оленей, льва с головой, повернутой влево. Искусство звериного стиля было настолько сильной компонентой культуры ранних кочевников, что, как отмечает Ю. Н. Рерих, и поныне звериная орнаментация продолжает быть в ходу у кочевников хор-па.

В завершении работы Ю. Н. Рерих пишет, что все рассмотренные предметы «неопровержимо доказывают существование древнего центрально-азиатского кочевого искусства в Тибете. Горный характер страны с ее труднодоступными долинами помог сохранить многое из далекой древности, и ее кочевое население хранит как сокровище свое прошлое. До сих пор внимание уделялось только религиозному искусству Тибета, его ярко окрашенным знаменам и прекрасным изделиям из бронзы. Теперь открыта новая область тибетского народного искусства, а именно добуддийское искусство тибетских кочевых племен, след далекого прошлого» [Рерих, 1999, с. 49–50].

Список литературы / References

- Рерих Ю. Н. *По тропам Срединной Азии*. М, 2012 [Roerich Yu. N. *Po tropam Sredinnoy Azii*. Moscow, 2012].
- Рерих Ю. Н. Звериный стиль у кочевников Северного Тибета // *Тибет и Центральная Азия*. Самара, 1999. С. 29–55 [Roerich Yu. N. *Zverinyi stil' u kochevnikov Severnogo Tibeta* // *Tibet i Tsentralnaya Azia*. Samara, 1999. Pp. 29–55].
- Рерих Ю. Н. *Звериный стиль у кочевников Северного Тибета*. Прага, 1930 [Roerich G. *Zverinyi stil' u kochevnikov Severnogo Tibeta*. Prague, 1930].
- Ростовцев М. И. *Срединная Азия, Россия, Китай и звериный стиль*. Прага, 1929 [Rostovtzeff M. I. *Sredinnaya Aziya, Rossiya, Kitai i zverinyi stil'*. Prague, 1929].
- Кубарев В. Д. Образ птицы в искусстве ранних кочевников Алтая // Кубарев В. Д., Черемисин Д. В. *Археология юга Сибири и Дальнего Востока*. Новосибирск, 1984 [Kubarev V. D. *Obras ptitzy v iskusstve rannih kochevnikov Altaya* // Kubarev V. D., Cheremisin D. V. *Arheologiya yuga Sibiri i Dalnego Vostoka*. Novosibirsk, 1984].
- Кубарев В. Д. *Курганы Уландрыка*. Новосибирск, 1987 [Kubarev V. D. *Kurgany Ulandryka*. Novosibirsk, 1987].
- Молодин В. И. Культурно-историческая характеристика погребального комплекса кургана № 3 памятника Верх-Кальджин II // *Феномен алтайских мумий*. Новосибирск, 2000 [Molodin V. I. *Kul'turno-istoricheskaya haracteristika pogrebal'nogo kompleksa kurgana № 3 pamyatnika Verh-Kal'djin II* // *Fenomen altayskih mumiy*. Novosibirsk, 2000].
- Полосмак Н. В. *Всадники Укока*. Новосибирск, 2001 [Polosmak N. V. *Vsadniki Ykoka*. Novosibirsk, 2001].
- Roerich G. *Tibetan Painting*. Paris, 1925.
- Roerich G. *Animal style among the nomad tribes Of Northern Tibet*. Prague: Seminarium Kondakovianum, 1930.
- Rostovtzeff M. I. *Le centre de L'Asie, La Russie, La Chine et style animal*. Prague, Seminarium Kondakovianum, 1929.